

Научная статья
УДК 348.01/930.253
doi: 10.17223/15617793/514/15

Расследование дел о покушениях на убийство супруга или супруги во второй половине XIX – начале XX века (на материалах Тверской, Ярославской и Тобольской губерний)

Александра Владимировна Спичак¹, Олеся Викторовна Ванюшина², Юлия Александровна Кривошеева³

¹ Нижневартовский государственный университет, Нижневартовск, Россия, spichak-89@mail.ru

² Научно-исследовательский институт информационных технологий ФСИН России, Тверь, Россия, vanyushina_olesy@mail.ru

³ Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия, y.krivosheeva@uniyar.ac.ru

Аннотация. На основе материалов судебных дел окружных судов Тобольской, Тверской и Ярославской губерний отражена правоприменительная практика по покушениям на жизнь супруга (супруги). Установлены причины преступлений, включая пьянство, ревность, сложные отношения с родителями, имущественные разногласия; выявлены особенности судебных процессов, в том числе гендерные; определены виды (способы) совершения преступлений. Уделено внимание работе судебных органов и присяжных заседателей.

Ключевые слова: супружеские конфликты, покушения на убийство, законодательство, судебные дела, судопроизводство, окружные суды, наказание, Тверская, Ярославская, Тобольская губернии

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10103, <https://www.rscf.ru/project/22-78-10103/>

Для цитирования: Спичак А.В., Ванюшина О.В., Кривошеева Ю.А. Расследование дел о покушениях на убийство супруга или супруги во второй половине XIX – начале XX в. (на материалах Тверской, Ярославской и Тобольской губерний) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 514. С. 129–137. doi: 10.17223/15617793/514/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/514/15

Investigation of cases of attempted murder of a spouse in the second half of the 19th – early 20th century (based on materials from the Tver, Yaroslavl and Tobolsk provinces)

Aleksandra V. Spichak¹, Olesya V. Vanyushina², Yuliya A. Krivosheeva³

¹ Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russian Federation, spichak-89@mail.ru
² Research Institute of Information Technologies of the Federal Penitentiary Service of Russia, Tver, Russian Federation, vanyushina_olesy@mail.ru

³ P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation, y.krivosheeva@uniyar.ac.ru

Abstract. The article, based on the materials of court cases of the district courts of the Tobolsk, Tver and Yaroslavl provinces, reflects the law enforcement practice on attempts on the life of a spouse. The study of the peculiarities of the causes and consequences of attempted murder of spouses in the second half of the 19th – early 20th century have not yet become the subject of a separate study. The sample of cases allows us to compare legal proceedings in the central part of the Russian Empire – in the Upper Volga region (in the Tver and Yaroslavl provinces) and on the periphery (in the Tobolsk province). The work examines how attempted murder was punished, what legal norms were applied and what methods existed to reduce sanctions. The article also pays attention to the work of judicial bodies and jurors. An analysis of archival cases shows that since the "Code of Punishments" did not contain a separate article with punishment for an attempt at murder, the article that was most suitable for the act that the accused failed to commit was selected. It was found that attempted murder was not always punished under the article corresponding to the severity of the crime. Thus, an attempt with a weapon that could easily take a person's life with one blow was punishable by a sanction related to beatings. The causes of the crimes were established: for women, it was no love for the husband (hatred, desire to get rid of him), cruel treatment by the spouse, conflicts with his parents; for men, it was drunkenness of the wife (as a reason), cruelty, jealousy, property disputes, dissatisfaction with the wife's parents. It was determined that drunkenness can be considered the main condition for committing a crime because most attempts were committed in a state of alcoholic intoxication. It was shown that mental disorders also became the reason for committing attempts in families, and in some cases the disorder was invented in order to mitigate the punishment. Archived court cases show that women, who suffered more from domestic violence than men, were at the same time subjected to more severe punishments, with the exception of those who had a confirmed mental disorder or when there was no evidence base. Men, as a rule, who committed a crime while intoxicated without prior preparation, were punished quite leniently, even

when attempting to murder not a wife, but a common-law wife. The study of this topic is especially relevant at the present time, when drunkenness and its consequences for families, as well as family conflicts ending in murder and attempted murder of a spouse, have not yet been eradicated.

Keywords: marital conflicts, attempted murder, legislation, court cases, legal proceedings, district courts, punishment, Tver, Yaroslavl, Tobolsk provinces

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-78-10103, <https://www.rscf.ru/project/22-78-10103/>

For citation: Spichak, A.V., Vanyushina, O.V. & Krivosheeva, Yu.A. (2025) Investigation of cases of attempted murder of a spouse in the second half of the 19th – early 20th century (based on materials from the Tver, Yaroslavl and Tobolsk provinces). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 514. pp. 129–137. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/514/15

Изучение особенностей причин и последствий покушений на убийство супругов во второй половине XIX – начале XX в. еще не становилось предметом отдельного исследования. В дореволюционной историографии данная тема рассматривалась обычно наряду с проблемами функционирования судебной системы и законодательства [1, 2]. В работах советского периода этот вопрос не освещался. Современные исследования, посвященные истории крестьянства, лишь косвенно затрагивают проблематику покушений на убийство супругов.

Бытовая преступность крестьян во второй половине XIX в. рассмотрена В.С. Сидоровой, которая привела данные «Свода статистических сведений по делам уголовным» за 1873–1897 гг. Так, женщины несколько чаще, чем мужчины совершали покушение на убийство – в 1,1 раза. При этом соотношение между мужчинами и женщинами, осужденными за убийство супругов, было примерно равным. Эти обстоятельства могут свидетельствовать о том, что, имея соответствующее намерение, при большой физической силе мужчины не останавливались только на покушении и чаще всего доводили дело до конца. Вероятно, немалая часть проходивших в судебных делах о покушениях мужей не имела мотива именно убийства супруги [3. С. 45].

А.В. Гаврилова, изучая состояние судебной системы Сибири, проанализировала дела Государственного архива в г. Тобольске за конец XVIII – начало XIX в., в том числе о расследовании преступлений, совершенных по отношению к супругу и супруге, выяснив, что убийства, покушения на них и избиения составили 90% среди преступлений против личности в рассматриваемый период [4. С. 141].

С течением времени вид наказания за покушение на убийство менялся. Как указывал М. Казаков, «наказание, как и преступление, есть понятие по преимуществу историческое. Взгляды на существование, значение и цели наказания постоянно меняются, как в соответствии с развитием права, так и вообще культуры. Многие виды наказания стали уже достоянием истории, и многие стоят на очереди, дожидают, так сказать, свой век» [1. С. 99]. Соборное уложение 1649 г. устанавливало смертную казнь жены за убийство мужа и его отравление. Закапывание в землю в качестве наказания за мужеубийство было заменено указом от 19 марта 1689 г. отсечением головы, хотя на практике оно встречалось до 1740 г. [5. С. 108].

До рассматриваемого периода, во второй половине XVIII – первой половине XIX в., за покушение на мужа

жене подвергалась также *наказанию кнутом*. Со второй половиной XIX в. телесные наказания перестали использоваться.

За покушение на убийство супруга или супруги во второй половине XIX – начале XX в. полагалось наказание, указанное в различных статьях «Уложения о наказаниях» (далее – УоН) 1845, 1857, 1866 и 1885 гг. При первоначальном анализе судебных дел вызывает недоумение разнообразие в видах наказаний (относительно применяемых статей, видов и сроков санкций). Для того чтобы разобраться в данной ситуации, необходимо рассмотреть как само определение понятия «покушение», которое использовалось в рассматриваемый период, так и особенности применения законодательства, в чем нам помогли практические пособия, например работа М. Казакова, подготовленная на основе трактовки указанного кодифицированного нормативного акта [1].

М. Казаков, описывая внешнюю сторону преступления, разделил его совершение на четыре стадии: 1) обнаружение преступного умысла; 2) приготовление; 3) покушение; 4) совершение самого преступления. Как вследствие внешних причин, так и по желанию и воле самого виновника преступная деятельность могла быть приостановлена на одной из перечисленных стадий, поэтому отношение уголовного права к преступлению в зависимости от стадии его совершения различалось.

Обнаружение умысла было ненаказуемо, «ибо головой умысел не дает еще основания быть уверенными, что задуманное будет действительно осуществлено». Санкциям не подлежало и приготовление к преступлению, «ибо можно готовиться и к тому, что не решишься выполнить» [1. С. 95].

После приготовления виновный мог перейти к исполнению своего преступного деяния для достижения намеченной им конечной цели, т.е. к покушению. *Покушением* признавалась ситуация, когда виновный начал производить известный ряд действий, составляющих содержание того или иного преступления, не доведенный до конца вследствие различных обстоятельств. УоН считало покушением любое действие, которым начинается или продолжается приведение злого намерения в исполнение (ст. 9). Однако М. Казаков такое определение призывал считать безусловно неудачным, так как под него можно было подвести и приготовление, тем более что УоН давало слишком узкое определение приготовления к преступлению.

Уголовное уложение 1903 г. (УУ), дав более верное, по мнению М. Казакова, определение приготовления, давало и более правильное и точное определение покушения, а именно: «действие, коим начинается приведение в исполнение преступного деяния, учинения коего желал виновный, не довершенного по обстоятельству, от воли виновного не зависящему» (ст. 49 УУ). При этом автор в данном абзаце оба сборника назвал уголовным уложением, что могло запутать читателя [1. С. 96].

Для выбора наказания за преступление было важно определить степень осуществления намечаемого действия. В одних случаях покушение совсем не было осуществлено, так как было остановлено (соседи не дали добить жену), а в других убийство почти было исполнено, помешал случай (пуля попала не в жизненно важный орган). Рассмотрим статьи УоН, посвященные этим двум вариантам. Согласно ст. 114 УоН, когда покушение останавливалось по независящим от обвиняемого обстоятельствам, наказание должно было определяться «по большей или меньшей близости покушения к совершению преступления». Однако если подсудимым было сделано все, что он считал нужным для приведения своего намерения в исполнение и преднамеренное им зло не совершилось только по особым, непредвиденным им обстоятельствам или вследствие безвредности употребленных средств (например, приготовленная отрава оказалась слабой для убийства), то его следовало подвергать санкции одной, двумя или тремя степенями ниже наказания, установленного за само совершение преступления (ст. 115 УоН). Если покушение было остановлено по обстоятельствам, не зависящим от воли виновного, то наказание за покушение на тяжкие преступления смягчалось на основаниях ст. 53 УоН, т.е. оно приравнивалось к обстоятельствам, уменьшающим вину [1. С. 96–97]. Таким образом, законодательство хотя и вносило некоторую определенность, но предоставляло окружным судам возможность выбора среди достаточно широкого спектра наказаний.

В комментарии № 1993 к ст. 1454 УоН 1866 г. дополнительно приводится еще одно содержание понятия «покушение на убийство» как нанесение раны с обдуманным заранее намерением лишить жизни [6. С. 549]. Однако покушаться на жизнь другого человека можно было различными способами, а не только нанесением ран, при этом в других статьях уголовного кодекса, посвященным различным видам убийств, подобные объяснения отсутствовали, но при этом включались в комментарии к ст. 9. Так, болезненные припадки в результате отравления потерпевшего кашей с мышьяком, приготовленной с целью лишить его жизни, считались оконченным покушением, «когда зло не совершилось по обстоятельствам, не зависевшим от воли подсудимого». Статьи с видами наказаний, которые следовало применить в данном случае, указаны не были, что вводило суд в затруднение.

Анализируя особенности рассмотрения дел в центральной России и на периферии, следует помнить, что в Сибири отсутствовал суд присяжных. А. Трайнин указывал, что «последний сильно влияет на процент

оправдательных приговоров. За 1897–1904 гг. средний процент оправданных при участии присяжных заседателей составлял 36,4, а без их участия – лишь 28,6. Таким образом процент осужденных по Европейской России несколько ниже процента осужденных в Сибири» [7. С. 4]. Однако Л.А. Полонский утверждал, что «оправдательные приговоры произносятся присяжными не чаще, чем судьями всех категорий» [8. С. 827]. В 1874 г. оправдания в судах всей империи составили 31,43%, при этом судебные палаты оправдали 39,59%, окружные суды с присяжными – 32,87%, окружные суды без участия присяжных – 24,81% [2. С. 390–391]. В силу низкой сохранности судебных дел о покушениях на супруга (супругу) в региональных архивах, а также отсутствия статистики по данному вопросу невозможно с уверенностью сказать, что в Тобольской губернии из-за отсутствия на суде присяжных заседателей виновных наказывали более строго, однако рассмотренные в данной статье дела Тверского и Ярославского окружных судов ярко демонстрируют их достаточно лояльное отношение к обвиняемым, особенно к мужьям.

Основной источниковой базой исследования послужили судебные дела о покушениях на убийство мужа (7 дел) или жены (5 дел), хранящиеся в архивах Ярославской, Тверской и Тюменской областей за 1862–1911 гг. По сословному признаку большинство обвиняемых являлись крестьянами, в ярославских делах также фигурировали мещанин и военный. Выборка дел позволяет сравнить судопроизводство в центральной части Российской империи – в Верхневолжье (в Тверской и Ярославской губерниях) и на периферии (в Тобольской губернии).

Дополнительно для сравнения были изучены следственные процессы по данному виду преступлений: 4 дела за конец XVIII – первую половину XIX в., а также среди несупружеских пар в изучаемый период (одно дело о покушении на жизнь сожительницы за 1906 г., второе – любовницы за 1914–1915 гг.).

Рассмотрим, каким образом наказывали за покушения на убийство. Поскольку УоН не содержало отдельную статью с наказанием о покушении именно на убийство, то выбиралась статья, наиболее подходившая под то деяние, которое не получилось осуществить у обвиняемого.

Непосредственно покушениям посвящена 115 ст.: «Когда, при покушении на преступление, подсудимым сделано все, что он считал нужным для приведения своего намерения в исполнение, и преднамеренное им зло не совершил только по особым, непредвиденным им обстоятельствам, или вследствие безвредности употребляемых средств, то он подвергается, смотря по обстоятельствам дела, наказанию одною, двумя или тремя степенями ниже против наказания, постановленного за самое совершение преступления» [9. С. 70–71].

Первые два вида покушения на жизнь (посредством ударов орудием и побоев) применялись в изученных делах исключительно мужчинами, что объясняется их большей физической силой.

Желание убить супруга (супругу), выразившееся в попытке лишить жизни, подлежало наказанию по двум

статьям УоН – ст. 1454 (умышленное спланированное убийство, 15–20 лет ссылки на каторжные работы с лишением всех прав состояния) и ст. 1455 (умышленное убийство без обдуманного заранее намерения [6. С. 549], 12–15 лет ссылки на каторжные работы с лишением всех прав состояния [9. С. 507]). При этом вместо указанной ст. 1454 могли указать и ст. 1451 об убийстве мужа (жены), что подлежало каре по ст. 1450 – лишению всех прав состояния и ссылке на каторжную работу в рудниках без срока [6. С. 547]. При этом в таких делах указывалась и ст. 9 о покушении, благодаря которой снижался уровень наказания, предусмотренного по данным статьям.

Статьи 1451 и 9 были применены в деле в 1891–1892 гг. к старшему писарю запаса из мещан г. Нерехты, проживающему в Великосельской волости Ярославской губернии Николаю Арсентьеву Сенекину, который из ревности пытался зарезать жену хлебным ножом (уездный врач обнаружил 21 тяжелую рану – мужчина бил жену ножом до тех пор, пока тот не сломался) и полностью признал на допросе свою вину. Оказалось, что мужчина и раньше угрожал супруге, тиранил ее по причине своего пьянства, имел жестокий характер, что подтвердили 13 свидетелей. Виновный не дожил до исполнения наказания [10. Л. 1–45 об.; 11. Л. 1–63]. Кроме указанной статьи, на предварительном следствии обвиняемому вменяли выплату судебных издержек, согласно примечанию 2 ст. 1496 УоН: «...сверх определенных в главе наказаний и взысканий заувечья, побои, истязания или иные мучения и за причинение важного в здоровье вреда, виновные, по требованию самих потерпевших от того <...> могут быть приговариваются: к платежу за расходы, употребленные на их излечение и к вознаграждению за все причиненные им убытки и вред» [6. С. 574].

При заранее спланированной неудачной попытке убить при помощи орудия, например из ружья, при подтверждении умысла свидетелями («жалъ, надо было убить до смерти») присяжные заседатели вынесли вердикт «Да, виновен», в результате чего крестьянин Жуковской волости Туринского уезда Тобольской губернии Никита Никандров Калугин (26 лет) в 1915 г. был осужден на основании ст. 9, п. 1 ч. 1 ст. 1455, 3 степ. ст. 19 (дублировала наказание 12–15 лет каторги), ст. 115, 6 степ. 19 ст. (уже уменьшенный вариант 6–8 лет каторги), п. 4 ст. 134, ст. 135 и ч. 1 ст. 31 УоН отдать в исправительные арестантские отделения сроком на пять лет с заменой этого наказания по ст. 77 УоН (заключение в тюрьме из-за дальнего расположения арестантских отделений [9. С. 57]) и с последствиями по ч. 1 ст. 58.1–2, исключив из означеннего срока наказания, согласно ст. 152.1 УоН, восемь месяцев предварительного по сему делу заключения [12. Л. 1–82]. Вызывает вопрос о выборе статьи и ее части с формулировкой «без обдуманного заранее намерения», ведь ружье было взято с собой не случайно.

Статьи 134 и 135 применялись достаточно часто к представителям крестьянского сословия, уменьшая вину и наказание на 1 или 2 степени из-за «слабоумия»

или «невежества», обычно в делах указывался последний вариант [9. С. 80–81], в результате чего в рассмотренном деле с максимальных 15 лет за убийство виновный получил 5 лет за покушение на жизнь.

Если для предполагаемого убийства вместо ружья применялись другие *орудия побоев или кулаки*, то обвинение проходило по ст. 1489 УоН.

К примеру, крестьянин Терсюкской волости Ялуторовского уезда Тобольской губернии Степан Степанов Козлов (25 лет) нанес жене минимум 15 ударов ножом или железной тростью (не помнил чем), объясняя это ревностью и подозрениями: «Будучи в кабаке слышал, как один человек “хвастался” его женой. Задумав прокупить за это жену, подсудимый отправился к ней». Мужчина подвергся наказанию по ст. 1489 УоН, суд избрал 3 степ. ст. 31, считая «справедливым это нормальное наказание, в виду сознания подсудимого и крайнего его невежества, согласно п. 2 и 4 ст. 134 и 135 УоН понизить на 2 степени и перейти в окончательном выводе к 5 степ. ст. 31 УоН в низшей мере по лишении всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ, отдать в исправительные арестантские отделения сроком на 1 год, с заменой места заключения по ст. 77 УоН, а после отбытия наказания отдать под особый надзор местной полиции на 4 года». Несмотря на то что жена в итоге скончалась, виновного судили именно за покушение, что указано на обложке дела [13. Л. 1–48].

Статья 1455 применялась также при попытке убийства топором, как в деле 1906 г. по обвинению крестьянина из ссыльных Иллариона Власова Владыко (43 лет) в нанесении своей сожительнице на обеих руках и лице тяжких ран. Благодаря низким потолкам в доме он не смог замахнуться в полной мере, и она «отделась только тяжкими, не опасными для жизни ранами». По мнению врача-эксперта, свидетельствовавшего травмы женщины, «характер и количество нанесенных ей ран указывают на желание нападавшего лишить ее жизни». Так как «удары топором были направлены в голову потерпевшей и лишь по случайным обстоятельствам не достигли цели» (закрыла рукой, лавка оказалась изрублена в том месте, где под ней находилась ее голова), суд убедился, что имел место умысел лишить жизни [14. Л. 2, 67].

Судом была выбрана ч. 2 ст. 1455 УоН (в запальчивости или раздражении), согласно которой мужчине предстояло лишение всех прав состояния и ссылка на каторжные работы от 8 до 12 лет или от 4 до 8 лет либо ссылка в Сибирь на поселение. Однако, согласно ст. 115 УоН, можно было уменьшить наказание на 1, 2 или 3 степени. «Избрав на основании 149 УоН... нормальное наказание, определенное 2 ч. 31 ст. УоН, понизив на 2 степени в силу 115 ст. суд перешел к наказанию, определенному 2 степ. 31 ст.», «но приняв на вид невежество подсудимого, полагает правильным и это последнее понизить еще на две степени на основании 4, 134 и 135 ст. УоН и назначить... 4 степ. 31 ст. УоН». Мужчину направили в исправительные арестантские отделения на один год и 6 месяцев с условиями, указанными в ст. 77 и 58.1–2 УоН [14. Л. 67 об.–68].

Нередко обнаруживалась большая разница между показаниями виновного и потерпевшей. Не признавая себя виновным, ответчик из выше рассмотренного дела так объяснил свой поступок: «8 числа он рубил дрова; Сулина, выйдя из чьей-то избы, стала смеяться над ним, что он все пропивает, а он в свою очередь потребовал от нее свои деньги; в ответ на это она, показывая на свои половые органы, сказала: “вот деньги”. Тогда он побежал за нею и что было дальше не помнит» [14. Л. 2]. В свою очередь его сожительница объявила, что он пришел к ее сестре с топором в руках и со словами «попалась одна» намеревался нанести удар по голове, но она закрыла свою голову левой рукой, что ее и спасло [14. Л. 66].

Топор стал орудием предполагаемого убийства и у крестьянина Зубцовского уезда Тверской губернии Дмитрия Евстигнеева Розанова (45 лет) в 1876 г. Однако решение Ржевского окружного суда было намного строже – подсудимый был приговорен к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на заводы на семь лет. Несмотря на то что он обвинялся по той же ст. 1455 УоН, и вместо ст. 115 (преступление остановлено непредвиденными обстоятельствами) была применена ст. 114 (преступление остановлено независящими от виновного обстоятельствами, в данном случае родственниками), которая снижала наказание не на 1–3, а на 2–4 степени. Такой выбор суда можно объяснить тем, что подсудимый не стал говорить о якобы пробелах в памяти, пытаясь сойти за умалишенного, как это делали другие. При этом он до последнего отрицал свою вину [15. Л. 1–146].

М. Казаков признавал, что применение уголовного закона к отдельным случаям правовой жизни представляло крайне сложную и ответственную задачу. Для толкования законов существовали особые правила, к примеру, при сомнении между двумя толкованиями закона предпочиталось то, которое мягче для подсудимого [1. С. 90]. Во многих судебных делах обнаруживается подтверждение данного правила. Однако снисхождения удостаивались в рассмотренных случаях только мужчины, а женщин, напротив, наказывали по всей строгости закона. Вероятно, играл роль *вид преступления и наличие умысла*. Мужчины, как правило, совершали покушения в пьяном виде, не готовясь к нему заранее, тогда как женщины, выбирая в основном отравление, осуществляли его планирование и подготовку, что наказывалось строже. Приведем пример судебного разбирательства, в ходе которого выбор между статьями об убийстве и покушении был сделан в пользу последнего.

Топор выбирался подсудимыми мужчинами нередко, так как был «сподручен» и имелся в каждой крестьянской семье. Унтер-офицер запаса г. Романово-Борисоглебск Ярославской губернии Арсений Алексеев Поздняков в 1891 г. в трезвом виде (со слов свидетелей обычно пил минимум по бутылке в день, но выглядел трезвым), после ссоры с женой-кухаркой почтовой станции на почве ревности (Екатерина Андреева отказалась ехать за мужем к новому месту работы и осталась жить на почтовом дворе в одной избе с ямщиками и начальником станции) ночью вдруг нанес ей удар топором по лбу у правого глаза. Бросив топор, мужчина

сказал: «Очень жаль, что не совсем убил» (подтвердили свидетели), т.е. умысел был налицо. Рана представляла собой рассечение кожи на лбу, была задета наружная пластинка лобной кости (трещина), однако врачи отнесли рану к разряду средних, а затем – легких, экспертиза решила, что она не угрожала жизни. На предварительном следствии врач был опрошен на предмет того, можно ли таким топором (колун для дров) убить или изувечить. Судебный следователь усмотрел в деле признаки преступления по ст. 9 и ст. 1455 УоН. Однако в приговоре записали уже другие статьи УоН: 1482, 5 степ. 31, 149, 1492, 1451, 1 степ. ст. 38 в средней мере, согласно которым он был заключен в тюрьму на 1 год с возложением на него имущество судебных издережек, т.е. вместо покушения на убийство мужчине вменялись тяжелые побои. Сам виновный утверждал, что жену любил, но в ссоре, в состоянии запальчивости, не понимал, что делает, и умысла убивать не имел [16. Л. 1–53, 17. Л. 1–66]. Таким образом, вид (способ) предполагаемого убийства иногда не совпадал с выбором статьи, как в данном случае: покушение с помощью орудия, которое вполне могло лишить жизни одним ударом, наказывалось санкцией, относившейся к побоям.

Часто подсудимых проверяли на наличие умственных способностей после их жалоб на проблемы с памятью. В представленном выше деле мужчина пожаловался, что «временами он ничего не помнит и в это время у него болит голова, такие припадки с малых лет “перевалами”, что подтвердили его сестра и соседи». При осмотре Козлова в особой комнате врач дал заключение, что он «представляет ясные признаки антропологического вырождения, выражющиеся в неправильном развитии ушных раковин, с довольно сильно развитой нижней челюстью и неправильным расположением лобных морщин. В сфере психической у подсудимого при тупом выражении лица замечается замедление течения представлений. Суд, выслушав заключение врача и принимая во внимание, что у суда возникли сомнения насчет состояния умственных способностей подсудимого Козлова: наблюдаются признаки антропологического вырождения – следы дегенерации, постановил: рассмотрение настоящего дела приостановить и таковое дело возвратить прокурору суда для расследования умственных способностей подсудимого в порядке ст. 353–355 Уст. Угол. Суд., судебные же по сему делу издережки принять на счет казны». По итогам освидетельствования в Ялуторовске оказалось, что во время совершения преступления муж «находился в нормальном состоянии умственных способностей» [17. Л. 26 об., 29 об.–30 об.].

Проверку умственных способностей обязательно проходили также подсудимые, которые не могли объяснить мотивы и не помнили момент совершения преступления, в таком случае суд подозревал *душевное расстройство*, как в следующем деле. Крестьянка с. Юрьевское Тверского уезда Тверской губернии Аграфена Иванова, находившаяся на четвертом месяце беременности, в 1886 г. без причины (любила мужа и не имела обид на него) пыталась порезать ему горло во время сна.

Окружной суд определил признать совершившую преступление «в состоянии умоисступления и совершенного беспамятства» (по результатам врачебной экспертизы), следственно руководствуясь п. 3 ст. 92 и 95 УоН «преследование прекратить». После выздоровления на основании приложения 4 к ст. 95 УоН женщину освободили из дома для душевно-больных и отдали на попечение родных с обязанностью тщательно наблюдать за нею и в случае малейших признаков возрата сумасшествия, «брать надлежащие меры предосторожности или же проводить ее в таковом случае в дом умалишенных» [18. Л. 19–22].

Подобное решение окружные суды выносили и в том случае, когда виновный раскрывал причину совершения преступления (например, ревность), повод (к примеру, намерение супруга уехать в другое место жительства), *не готовился заранее, но имел умысел лишить жизни*, при этом если врач-эксперт приходил к выводу, что он *страдает острым психическим расстройством в форме начиナющегося слабоумия*. Срок заключения в таких делах не указывался, как правило, *больного выписывали после излечения*. Так, крестьянина Старицкого уезда дер. Чудово Тверской губернии Максима Григорьевича Смирнова несмотря на то, что он помнил произошедшее, действовал с намерением, обещал после освобождения завершить начатое – зарезать жену, ждала не тюрьма, а Бурашевская колония для душевнобольных [19. Л. 1–180].

Отдельно следует рассмотреть такой способ лишения жизни, как *отравление*, которое предпочитали жены (согласно основанному на «Своде статистических сведений по делам уголовным» выводе В.С. Сидоровой женщины отправляли супругов в 2 раза чаще [3. С. 45]). Для них убийство мужа было последним возможным вариантом выйти из-под его влияния и разойтись с ним. Как указывал Я.А. Канторович, 1 из 3 осужденных жен «прибегала к яду», а процент мужей-отравителей был намного ниже – 1 из 26 [20. С. 116]. В рассмотренных нами делах все виновные в делах об отравлениях – женщины, выбиравшие разные подручные способы отравить своего мужа, часто это был мышьяк, добавленный в еду и напитки, в том числе в кисель, пряник, лепешки и т.д.

М. Казаков на основе статистических данных определил, что отравления являлись сельским преступлением: «По расчету на 1 млн населения отравлений приходилось в столицах – 0,0, городах – 0,1, а в уездах в 3 раза больше – 0,3. Из общего числа отравлений за 1897–1904 гг. приходится на столицы 0,4%, города – 6,2%, а на уезды – 93,4%». Отравление являлось «обычным орудием смерти в руках более слабого... 65% всех отравлений за этот период совершены женщинами и лишь 35 – мужчинами. Это отношение станет особенно заметным, если вспомнить, что вообще преступность мужчин в 8 раз выше преступности женщин. Преобладание женщин и преобладание в деревне – не случайные признаки понятия отравления; между ними существует теснейшая зависимость: горькая доля русской женщины-крестьянки, всегда приниженней и забитой, рабски зависимой от мужа-тирана... порой наталкивает ее на это преступление» [1. С. 13–20].

Отравление по своей сути подразумевало обязательное планирование («обдуманное заранее намерение») и умысел, поэтому наказывалось особо строго. Например, 22-летнюю крестьянку Бежецкого уезда Алешинской волости, дер. Маркова Тверской губернии Marinу Яковлеву в 1876 г. за две попытки отравления мужа лишили всех прав состояния, сослали в каторжные работы на заводах на 11 лет, а по истечении этого срока поселили в Сибирь навсегда. Согласно ст. 1451 (умышленное убийство супруга) [6. С. 547] и п. 5 ст. 1453 УоН (отравление) [9. С. 548] суд должен был выбрать 1 степ. ст. 19 УоН – каторжные работы в рудниках без срока. Однако так как в настоящем случае было лишь покушение на отравление и принимая во внимание признание присяжными заседателями подсудимую заслуживающей снисхождения, окружной суд согласно ст. 828 «Устава уголовного судопроизводства» и ст. 115 УоН по обстоятельствам дела понизил наказание на 3 степени, назначив его по 4 степ. ст. 19 УоН. Интересно, что женщина не признала себя виновной, утверждая, что муж сам себе два раза подсыпал в пищу яд для того, чтобы ее обвинить в покушении на убийство в качестве мести за предполагаемую измену, так как подозревал ее в любовной связи с сельским священником (данную связь, как и в принципе наличие любовников, допрошенные односельчане отрицали) [21. Л. 1–91].

Однако дела об отравлении проходили не только по ст. 1453, но и по ст. 1454 УоН (предумышленное убийство без отягчающих обстоятельств, лишение всех прав состояния и ссылка на каторжную работу в рудниках на 15–20 лет), как в случае разбирательства с крестьянкой Ржевского уезда Тверской губернии Аграфеной Ермолаевой. Примечательно, что отягчающими обстоятельствами являлись как покушение на жизнь супруга (ст. 1451), так и отравление (ст. 1453), поэтому выбор данной статьи необоснован. Как и в рассмотренном деле, женщина отрицала свою вину, утверждая, что отравленный пряник был одним из подарков на свадьбу, однако, в отличие от Марии Яковлевой, виновную в 1877 г. оправдали присяжные заседатели [22. Л. 1–176].

Таким образом, участие присяжных заседателей существенно влияло на результаты судебного заседания, иногда в корне изменяя содержание приговора.

Еще одну жену, желавшую отравить супруга, от сурогового наказания спасло то, что она обвинялась только в приготовлении, а не в самом покушении на убийство («чтобы не пострадали другие, она отраву дать не решилась»), т.е. в предшествующем покушению пункте. В случае приготовления к отравлению применили ст. 1457 УоН, подразумевающую примерных 2 вида наказания (не исчерпывала и другие виды): 1) при приготовлении оружия или отравы и недоказанности остановки преступления собственным побуждением и раскаянием – заключение в тюрьме от 8 месяцев до 1 года и 4 месяцев, 2) когда останавливали преступление внешние обстоятельства – лишение всех прав состояния и ссылка в Сибирь на поселение [6. С. 551]. Крестьянка дер. Селищи Осташковского уезда Тверской губернии Авдотья Яковleva в 1888 г. была осуждена

по первой части указанной статьи. Благодаря ее раскрытию (134 и 135 ст. УоН) по 3 степ. ст. 38 (содержала минимальный срок заключения в тюрьме от 2 до 4 месяцев) УоН женщину приговорили к 3 месяцам заключения в тюрьме [23. Л. 1–62].

В 1888 г. крестьянка Ярославской губернии Елена Степанова Гобцева, работница Норской мануфактуры, подала мужу кусок колобка, после которого ему стало плохо. Мужчина увидел в откушенному куске зелень (порошок для отравы тараканов – ярь-медянка) и отдал соседям, которые передали отправленный кусок сотскому. Елена во всем созналась: когда сторож сыпал отраву тараканам, она собрала ее и запекла в колобке, который положила так, чтобы возвратившийся с работы муж, взял его и начал есть. Елена показала, что по временам с ней делались припадки головокружения, особенно в церкви (говорили, что она кликуша), но к моменту допроса была здорова. Ни опрошенные соседи, ни мать обвиняемой не подтвердили «порченое» состояние Гобцевой, однако ее отец сообщил, что около пяти лет назад (когда Елене было около 12 лет) у нее случались припадки по большим праздникам и когда поднимали иконы – «делалась внезапная тоска и она начинала кричать как кликуша – как успокоят, прекращалось». Женщину ждало наказание по ст. 1455 УоН. При выявлении в ходе суда ошибок в постановке приговора, прокурор имел право подать кассационный протест, тогда дело направляли на пересмотр в Сенат. В данном случае 4 года каторги (несмотря на то, что ей вменялось преступление без заранее обдуманного намерения) были заменены императорским указом в пользу виновной на 2 года заключения в тюрьме по причине ее несовершеннолетия [24. Л. 1–76; 25. Л. 1–73].

Интересно, что в делах об отравлении, когда сохранился остаток предположительно отравленного продукта, его для проверки давали съесть какому-то домашнему или сельскохозяйственному животному и по их реакции (рвота, смерть) устанавливали степень опасности вещества. Доказательство отравления могло быть косвенное, например, когда потерпевший резко почувствовал серьезное недомогание, тошноту.

Следует отметить, что в рассматриваемый период разрешалось венчать вторым браком без разрешения духовного и гражданского начальства вдовцов обоего пола, отбывших наказание за убийство первого супруга и возвращенных в свое общество [26. С. 252].

Введение в 1907 г. Святейшим Правительствующим Синодом такого повода для развода, как опасное для жизни и здоровья насилие в семье, вплоть до покушения на убийство [27. С. 129], должно было уменьшить количество покушений, совершенных мужем и женой.

Итак, не всегда покушение на убийство наказывалось по статье, соответствующей тяжести преступления. Так, покушение с помощью орудия, которое вполне могло лишить человека жизни одним ударом, наказывалось санкцией, относящейся к побоям. В ходе следствия дело могли рассматривать по ст. 1451 за убийство, а в итоге приговор выносили по ст. 1489 о тяжелых побоях.

Как свидетельствуют архивные дела, среди причин покушения на супруга у женщин отмечались нелюбовь

к мужу (ненависть, желание от него избавиться), жестокое обращение супруга, конфликты с его родителями; у мужчин – пьянство жены (как повод), жестокость, ревность, имущественные споры, недовольство родителями жены. Конечно, данный список можно дополнять индивидуальными мотивами в конкретных случаях.

Мнение Е.С. Лахтионовой о том, что представительницы прекрасного пола «несравненно реже мужчин покушались на убийства», идет вразрез с приведенной в данной статье статистикой. Кроме того, среди основных причин покушений на убийство указываются «романтические побуждения»: ревность, желание скрыть любовный обман или измену. Нами же главной причиной признано побуждение избавиться от жестокого или в принципе нелюбимого мужа. Вероятно, автором сделаны выводы исключительно на основе обнаруженных документов Екатеринбургской духовной консистории, хранящихся в Государственном архиве Свердловской области (г. Екатеринбург) [28. С. 23].

Главным условием совершения преступления можно считать пьянство, ведь большинство покушений было совершено в состоянии алкогольного опьянения. Причем пьянство можно рассматривать, во-первых, как косвенный повод к преступлению, например, когда супруга тратила на выпивку все средства и не являлась примерной женой из-за своего алкоголизма, и, во-вторых, как условие, которое «помогало» осуществить задуманное (накопившиеся злость и обида переходили в агрессию, обычно именно в пьяном виде, кроме того, некоторые фигуранты дел специально пили, чтобы набраться смелости). Не стоит забывать и того, что пьянство меняет характер человека, озлобляя и ужесточая его, вероятно, именно поэтому большинство супружеских преступлений, связанных с насилием, было совершено в состоянии алкогольного опьянения. Психические расстройства также становились причиной совершения покушений в семьях. В некоторых случаях расстройство придумывалось, дабы смягчить меру наказания.

Очевидно, женщины, больше страдающие от домашнего насилия, нежели мужчины, подвергались в то же время более суровым наказаниям, за исключением тех, у которых подтверждалось психическое расстройство либо когда отсутствовала доказательная база. Мужчины же, как правило, совершившие преступление в состоянии алкогольного опьянения без предварительной подготовки, наказывались достаточно лояльно, причем даже при покушении на убийство не жены, а сожительницы.

Анализ архивных документов показал, что исключительно женским видом преступления являлось покушение на отравление супруга. Учитывая умышленный характер данного вида преступления, отравление наказывалось особо строго – лишением всех прав состояния и ссылкой в каторжные работы на заводы в Сибирь с последующим поселением в Сибири навсегда. Между тем судом учитывались и обстоятельства дела, так, приготовление к отравлению своего мужа, оставленному по собственному раскаянию, строго не

наказывалось – за это полагалось заключение в тюрьму на относительно короткий срок.

В начале ХХ в. М. Казаков утверждал: «В настоящее время стало почти общепризнанной истиной, что с преступностью государство не должно, да и не может бороться только одним наказанием, оно должно озабочиваться устранением тех социальных, общественных и экономических условий, которые толкают человеческую волю на преступный путь» [1. С. 99]. Борьба властей с почти повальным алкоголизмом населения, в ос-

новном сельского, улучшила страшную прежде картину семейного насилия в уездах. Кроме антиалкогольных компаний после 1917 г. появилась возможность разводиться с агрессивным или просто нелюбимым супругом. Однако пьянство до сих пор является двигающей силой к преступному деянию.

Проблема девиантных союзов отчасти стала решаться уже после 1917 г. с расширением возможностей для страдающих от домашнего несогласия супругов получить развод.

Список источников

1. Казаков М. Адвокат: иск и защита: пособие для самостоятельного ведения гражданских дел и уголовных защит и для подготовки к экзамену на звание частного Поверенного. 2-е изд., перераб. и законч. М.: «Правоведение» И.К. Голубева, 1912. 264 с.
2. Полонский Л.А. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. Журнал истории и политики. Т. 3, кн. 5, май 1876, № 1876, Х. С. 388–408.
3. Сидорова В.С. Крестьянская семья и бытовая преступность в России во второй половине XIX века // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2011. Т. 4, № 1. С. 39–47.
4. Гавrilova A.B. Уголовное судопроизводство в рамках екатерининской судебной системы в Тобольской губернии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 2, № 2 (62). С. 140–143.
5. Гришко Н.А. Уголовная ответственность за преступления женщин в семейство-бытовой сфере // Юристъ-Правоведъ. 2017. № 4 (83). С. 108–111.
6. Россия. Законы и постановления. Полный свод законов уголовных: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, со включением текста всех статей Свода законов, на которые указаны ссылки в Уложении о наказаниях, старого 1857 и нового 1866 г. издания / сост. Н. Хохловым. М. : Тип. Шюман и Глушкива, 1867. 574+IX с.
7. Трайнин А. Преступность города и деревни в России // Русская мысль. Ежемесячный литературно-политический журнал. 1909. Кн. 7. С. 1–27.
8. Полонский Л.А. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. Журнал истории и политики. Т. 3, кн. 6, июнь 1876, № 1876, Х. С. 821–832.
9. Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. 5-е изд., доп. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1886. 714 с.
10. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 346. Оп. 4. Д. 3952. Л. 1–45 об.
11. ГАЯО. Ф. 346. Оп. 4. Д. 3953. Л. 1–63.
12. Государственный архив в г. Тобольске (ГАТ). Ф. И-158. Оп. 3. Д. 3473. Л. 1–82.
13. ГАТ. Ф. И-158. Оп. 3. Д. 1286. Л. 1–48.
14. ГАТ. Ф. И-158. Оп. 3. Д. 2028. Л. 2, 67.
15. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 659 Оп. 1-6. Д. 3081. Л. 1–146.
16. ГАЯО. Ф. 346. Оп. 4. Д. 3962. Л. 1–53.
17. ГАЯО. Ф. 346. Оп. 4. Д. 3963. Л. 1–66.
18. ГАТО. Ф. 660. Оп. 3-2. Д. 2581. Л. 1–22.
19. ГАТО. Ф. 660. Оп. 3-4. Д. 3885. Л. 1–180.
20. Канторович Я.А. (Орович Я.) Женщина в праве. С приложением всех постановлений законодательства, относящихся до лиц женского пола. СПб. : Изд. Я. Канторовича, 1895. 317 с.
21. ГАТО. Ф. 661. Оп. 3. Д. 22. Л. 1–91.
22. ГАТО. Ф. 659. Оп. 1-1. Д. 203. Л. 1–176.
23. ГАТО. Ф. 659. Оп. 1-1. Д. 448. Л. 1–62.
24. ГАЯО. Ф. 346. Оп. 4. Д. 3921. Л. 1–76.
25. ГАЯО. Ф. 346. Оп. 4. Д. 3232. Л. 1–73
26. Моховая Т.А. Становление и развитие института брака в законодательстве Российской империи XIX века // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 4. С. 250–253.
27. Ткаченко А.В. Социальный институт брака в России // Система ценностей современного общества. 2009. № 5-2. С. 128–132.
28. Лахтионова Е.С. Мир женских грехов и преступлений в крестьянской среде на среднем Урале XIX – начала XX в. // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2019. № 2 (7). С. 15–25.

References

1. Kazakov, M. (1912) *Advokat: isk i zashchita: posobie dlya samostoyatel'nogo vedeniya grazhdanskikh del i ugolovnykh zashchit i dlya podgotovki k ekzamenu na zvanie chastnogo Poverennogo* [The Lawyer: Claim and Defense: A Manual for Independently Conducting Civil Cases and Criminal Defenses and for Preparing for the Examination for the Title of Private Attorney]. 2nd edition. Moscow: "Pravovedenie" I.K. Golubeva.
2. Polonskiy, L.A. (1876) *Vnutrennee obozrenie* [Internal Review]. *Vestnik Evropy. Zhurnal istorii i politiki*. 3 (5). pp. 388–408.
3. Sidorova, V.S. (2011) *Krest'yanskaya sem'ya i bytovaya prestupnost' v Rossii vo vtoroy polovine XIX veka* [The Peasant Family and Domestic Crime in Russia in the Second Half of the 19th Century]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina*. 4 (1). pp. 39–47.
4. Gavrilova, A.V. (2015) *Ugolovnoe sudoproizvodstvo v ramkakh ekaterininskoy sudebnoy sistemy v Tobol'skoy gubernii* [Criminal Proceedings Within the Framework of the Catherinean Judicial System in the Tobolsk Province]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2 (2) (62). pp. 140–143.
5. Grishko, N.A. (2017) *Ugolovnaya otvetstvennost' za prestupleniya zhenschin v semeyno-bytovoy sfere* [Criminal Liability of Women for Crimes in the Family and Domestic Sphere]. *Yurist"-Pravoved"*. 4 (83). pp. 108–111.
6. Khokhlov, N. (ed.) (1867) *Polnyy svod zakonov ugolovnykh: Ulozheniye o nakazaniyakh ugolovnykh i ispravitel'nykh, so vklucheniem teksta vsekh statey Sveda zakonov, na kotorye ukazanyiyskly v Ulozhenii o nakazaniyakh, starogo 1857 i novogo 1866 g. izdaniya* [Complete Code of Criminal Laws: Code on Criminal and Correctional Punishments, Including the Text of All Articles of the Code of Laws Referenced in the Code on Punishments, from the Old 1857 and New 1866 Editions]. Moscow: Tip. Shyuman i Glushkova.
7. Trainin, A. (1909) *Prestupnost' goroda i derevni v Rossii* [Urban and Rural Crime in Russia]. *Russkaya mysl'*. 7. pp. 1–27.
8. Polonkiy, L.A. (1876) *Vnutrennee obozrenie* [Internal Review]. *Vestnik Evropy*. 3 (6). pp. 821–832.

9. Tagantsev, N.S. (1886) *Ulozheniye o nakazaniyakh ugolovnykh i spravitel'nykh 1885 goda* [The Code on Criminal and Correctional Punishments of 1885]. 5th edition. Saint Petersburg: Tip. M. Stasyulevicha.
10. State Archive of Yaroslavl Oblast (GAYaO). Fund 346. List 4. File 3952. Pages 1–45 rev.
11. State Archive of Yaroslavl Oblast (GAYaO). Fund 346. List 4. File 3953. Pages 1–63.
12. State Archive in Tobolsk (GAT). Fund I-158. List 3. Delo 3473. Pages 1–82].
13. State Archive in Tobolsk (GAT). Fund I-158. List 3. File 1286. Pages 1–48.
14. State Archive in Tobolsk (GAT). Fund I-158. List 3. File 2028. Pages 2, 67.
15. State Archive of Tver Oblast (GATO). Fund 659. List 1-6. Delo 3081. Pages 1–146.
16. State Archive of Yaroslavl Oblast (GAYaO).Fund 346. List 4. File 3962. Pages 1–53.
17. State Archive of Yaroslavl Oblast (GAYaO).Fund 346. List 4. File 3963. Pages 1–66.
18. State Archive of Tver Oblast (GATO). Fund 660. List 3-2. File 2581. Pages 1–22.
19. State Archive of Tver Oblast (GATO). Fund 660. List 3-4. File 3885. Pages 1–180.
20. Kantorovich, Ya.A. (Orovich, Ya.) (1895) *Zhenshchina v prave. S prilozheniem vsekh postanovleniy zakonodatel'stva, otnosyashchikhsya do lits zhenskogo pola* [Woman in Law. With an Appendix of All Legislative Enactments Relating to Persons of the Female Sex]. Saint Petersburg: Izd. Ya. Kantorovicha.
21. State Archive of Tver Oblast (GATO). Fund 661. List 3. File 22. Pages 1–91.
22. State Archive of Tver Oblast (GATO). Fund 659. List 1-1. File 203. Pages 1–176.
23. State Archive of Tver Oblast (GATO). Fund 659. List 1-1. File 448. Pages 1–62.
24. State Archive of Yaroslavl Oblast (GAYaO).Fund 346. List 4. File 3921. Pages 1–76.
25. State Archive of Yaroslavl Oblast (GAYaO).Fund 346. List 4. File 3232. Pages 1–73.
26. Mokhovaya, T.A. (2014) *Stanovlenie i razvitiye instituta braka v zakonodatel'stve Rossiyskoy imperii XIX veka* [Formation and Development of the Institute of Marriage in the Legislation of the Russian Empire in the 19th Century]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 4. pp. 250–253.
27. Tkachenko, A.V. (2009) *Sotsial'nyy institut braka v Rossii* [The Social Institute of Marriage in Russia]. *Sistema tsennostey sovremennoego obshchestva*. 5-2. pp. 128–132.
28. Lakhtionova, E.S. (2019) *Mir zhenskikh grekhov i prestupleniy v krest'yanskoy srede na Sredнем Urale XIX – nachala XX v.* [The World of Female Sins and Crimes in the Peasant Milieu of the Middle Urals in the 19th – Early 20th Centuries]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie narodov Uralo-Povolzh'ya*. 2 (7). pp. 15–25.

Информация об авторах:

Спичак А.В. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории комплексных исследований социальных систем, доцент кафедры истории России и документоведения Нижневартовского государственного университета (Нижневартовск, Россия). E-mail: spichak-89@mail.ru

Ванюшина О.В. – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института информационных технологий ФСИН России (Тверь, Россия). E-mail: vanyushina_olesy@mail.ru

Кривошеева Ю.А. – старший преподаватель кафедры рекламы и связей с общественностью Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (Ярославль, Россия). E-mail: y.krivosheeva@uniyar.ac.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.V. Spichak, Cand. Sci. (History), senior research fellow, associate professor, Nizhnevartovsk State University (Nizhnevartovsk, Russian Federation). E-mail: spichak-89@mail.ru

O.V. Vanyushina, Cand. Sci. (History), leading research fellow, associate professor, Research Institute of Information Technologies of the Federal Penitentiary Service of Russia (Tver, Russian Federation). E-mail: vanyushina_olesy@mail.ru

Yu.A. Krivosheeva, senior lecturer, P.G. Demidov Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russian Federation). E-mail: y.krivosheeva@uniyar.ac.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.10.2024;
одобрена после рецензирования 01.11.2024; принята к публикации 30.05.2025.

The article was submitted 22.10.2024;
approved after reviewing 01.11.2024; accepted for publication 30.05.2025.